
**ИЗ ИСТОРИИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**РАННИЕ СТАТЬИ В.Б. ШКЛОВСКОГО И УЧЕБНИК
М.Н. СПЕРАНСКОГО “РУССКАЯ УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ”¹**

© 2016 г. А. Л. Топорков

Член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а

atoporkov@mail.ru

**THE EARLY ARTICLES BY VIKTOR B. SHKLOVSKY AND THE SCHOOLBOOK ‘THE
RUSSIAN ORAL LITERATURE’ BY MIKHAIL N. SPERANSKY**

© 2016 Andrey L. Toporkov

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philological Sciences, Distinguished Researcher at the Folklore Department of the A.M. Gorky Institute of World Literature, 25a Povarskaya Str., Moscow 121069, Russia

atoporkov@mail.ru

В ранней работе В.Б. Шкловского “Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля” (1919) имеется большое количество цитат из учебника М.Н. Сперанского “Русская устная словесность” (1917). Шкловский воспользовался этим учебником, потому что подходы Сперанского к поэтике фольклорных текстов и наблюдения над технологией их порождения давали удобный материал для его собственных построений и гипотез.

In Shklovsky’s early work ‘The Relation of Devices of Plot Construction to General Devices of Style’ (1919) there are lots of quotations from ‘The Russian Oral Literature’ (1917) by Mikhail N. Speransky. Shklovsky extensively referred to this book, because Speransky’s approach to the poetics of folklore texts and his thoughts on the process of such texts’ coming into being gave Shklovsky a handle to build new original structures and hypotheses.

Ключевые слова: В.Б. Шкловский, М.Н. Сперанский, формализм, фольклор, фольклористика.

Key words: Viktor B. Shklovsky, Mikhail N. Speransky, Formalism, folklore, folklore studies.

Ранние работы В.Б. Шкловского – “Воскрешение слова” (1914), “О поэзии и заумном языке” (1916), “Искусство как приём” (1917), “Связь приёмов сюжетосложения с общими приёмами стиля” (1919) – в значительной степени основаны на фольклорном материале [1, 2]. Особенностью работ В.Б. Шкловского является то, что он нередко берет фольклорные примеры не из первоисточников, а из работ своих предшественников, но при этом по-другому эти материалы интерпретирует.

В своих статьях, частично объединённых позднее в книге “О теории прозы”, Шкловский последовательно полемизировал с двумя крупнейшими филологами второй половины XIX в. – А.А. Потебнёй (1835–1891) и А.Н. Веселовским (1838–1906). При этом Потебню он критиковал за переоценку значения поэтического образа и психологический подход к литературе, а Веселовского – за концепцию бытовых основ сюжетности. Обращаясь к трудам А.А. Потебни и А.Н. Веселовского, которые строили свои теоретические концепции главным образом с опорой на фольклор, В.Б. Шкловский переосмыслил их

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14–18–02709) и в ИМЛИ РАН.

идеи, переводя проблемы генетического порядка в плоскость эстетической конструкции. Впоследствии начался обратный процесс: идеи Шкловского оказали существенное влияние на изучение нарративного фольклора (в частности, на “Морфологию сказки” В.Я. Проппа).

Начало формальной школы принято отсчитывать от даты публикации брошюры В.Б. Шкловского “Воскрешение слова” (конец 1913 или начало 1914 г.). Есть, однако, и другое событие, значительно более важное и для судеб отечественной филологии в целом, и для становления формальных подходов в частности. Дело в том, что в 1913 г. увидели свет два тома собрания сочинений А.Н. Веселовского; в одном из них были собраны статьи ученого, посвященные поэтике, а во втором – незаконченный труд, посвященный поэтике сюжетов. В первый том были включены, в частности, статьи А.Н. Веселовского, опубликованные ранее в “Журнале Министерства народного просвещения” (1894–1899): “Из введения в историческую поэтику”, “Из истории эпитета”, “Эпические повторения как хронологический момент”, “Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля”, “Три главы из исторической поэтики” [3, с. 30–622]. Во втором томе впервые увидели свет записи А.Н. Веселовского, которыми он пользовался при чтении лекций, посвященных поэтике сюжетов (1897–1903). При подготовке этих рукописей к изданию В.Ф. Шишмарев сгруппировал их по разделам: “Поэтика сюжетов и ее задачи”, “Мотив и сюжет”, “Важнейшие направления в изучения сюжетности”, “Бытовые основы сюжетности. – Доисторический быт и отражающие его мотивы и сюжеты” и др. [4, с. 9–135]. Именно идеи А.Н. Веселовского, в частности противопоставление мотива и сюжета, послужили отправной точкой и для формалистов-литературоведов, и для формалистов-фольклористов, в частности для В.Б. Шкловского и позднее для В.Я. Проппа [5, с. 60; 6, с. 8–9].

Полемика с великими представителями академической и университетской науки в значительной степени имела эпатажный характер и по своему пафосу напоминала призывы футуристов сбросить Пушкина, Достоевского и Льва Толстого с парохода современности. Веселовский и Потебня как нельзя лучше подходили на роль поверженных кумиров и в силу авторитета, которым они пользовались, и в силу некоторых особенностей их научного наследия. Оба учёных имели многочисленных последователей, которые толковали их идеи на свой лад, что не всегда способствовало углубленному пониманию этих идей.

В соответствии с этой тенденцией и Шкловский создавал упрощенные образы теоретических концепций своих предшественников, а потом сам же эффективно эти образы разоблачал.

В своих лекциях “Формальная школа и современное русское литературоведение”, прочитанных на чешском языке в 1935 г., Р.О. Якобсон дал объективную характеристику теорий А.А. Потебни и А.Н. Веселовского как предшественников формального метода [7, с. 30–52]. В данном случае нас интересует не то, как формалисты восприняли и переосмыслили идеи А.А. Потебни и А.Н. Веселовского, а сам факт, что формалисты учитывали работы филологов, которые строили свои концепции, опираясь главным образом на анализ фольклорных материалов.

Помимо Веселовского и Потебни Шкловский обращался и к другим исследователям фольклора. В настоящей заметке мы бы хотели показать, как отразилось в статье “Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля” знакомство Шкловского с учебником М.Н. Сперанского “Русская устная словесность” (1917).

Прежде чем обратиться к сравнению текстов, напомним основные сведения о Михаиле Несторовиче Сперанском (1863–1938). С 1881 по 1885 гг. он учился на славяно-русском отделении историко-филологического факультета Московского университета, где слушал лекции Н.С. Тихонравова и участвовал в его семинарах, а также посещал “четверги” и “воскресенья” у Ф.И. Буслаева, который к тому времени уже вышел в отставку. По окончании университета и сдачи магистерских экзаменов Сперанский был командирован за границу для работы над магистерской диссертацией. В 1890–1892 гг. он занимался в архивах Польши, Чехии, Италии, Франции, Германии, Австрии, Болгарии, Сербии и других стран [8, с. 205–208]. В 1895 г. защитил магистерскую диссертацию “Славянские апокрифические евангелия”, а в 1899 г. – докторскую “Из истории отреченных книг”. В 1896–1906 гг. Сперанский являлся профессором истории русской и славянской литературы Нежинского историко-филологического института; с 1906 по 1923 гг. – профессором истории древней и новой русской литературы Московского университета. Ученый избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук (1902), а впоследствии академиком Российской Академии наук (1921). 12 апреля 1934 г. Сперанский был арестован по ложному обвинению в руководстве контрреволюционной организацией “Российская национальная партия”. 16 июня 1934 г. осуждён

на 3 года ссылки в Уфу, однако, 17 ноября того же года срок был заменен на условный.

Как и его ленинградский коллега академик В.Н. Перетц (1870–1935), который проходил по тому же “делу славистов”, Сперанский изучал и древнерусскую литературу, и славянский фольклор и, благодаря многолетнему преподаванию в университете, подготовил целую когорту филологов, в том числе и фольклористов. Отчасти из-за того, что имена Сперанского и Перетца на несколько десятилетий были вычеркнуты из истории науки, отчасти из-за того, что оба академика числились по “ведомству” древнерусской литературы, а не фольклора, они редко упоминаются историками фольклористики.

Полное название учебника Сперанского: “Русская устная словесность. Введение в историю русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера. Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве” (1917). В преамбуле, датированной октябрем 1916 г., автор сообщал: «Издаваемое “Пособие” по истории русской устной словесности в основе своей воспроизводит сделанные слушательницами Московских высших женских курсов записи лекций, читанных в 1912–1913 и 1914–1915 акад. годах. Обработка этих записей для печати выразилась главным образом в исправлении неточностей, немногих дополнениях и в присоединении указаний на соответствующую научную литературу по устной словесности» [9, с. [III]]. Еще ранее, в 1913 г., учебник Сперанского был выпущен как литографическое издание в двух частях под названием: “Лекции по русской народной словесности. Курс, читанный на Московских Высших женских курсах в 1912–1913 гг. По запискам слушательниц” (1913). Датировки в данном случае имеют значение, так как однозначно указывают на направление заимствования: если один и тот же фрагмент встречается у Сперанского и у Шкловского, то можно быть уверенным, что это Шкловский цитирует Сперанского, а не наоборот.

Московские товарищи Шкловского высоко ценили “Русскую устную словесность”. Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев посвятили Сперанскому свою книгу “Славянская филология в России за годы войны и революции” (1923). В этой книге они констатировали: «Лучшим пособием, подводящим итоги всему сделанному в области изучения русского фольклора, является книга ак. М.Н. Сперанского “Русская устная словесность” (Москва, 1917 г.), заключающая в себе обзор истории собирания и изучения устной словесности, анализ былевого эпоса с точки зрения

историко-сравнительной школы, главы о русских народных сказках, о заговорах, поговорках и загадках» [10, с. 38]².

Приведя из книги Сперанского цитату, посвященную приёму повторения (повтора), Шкловский сослался на источник, причём описал книгу следующим образом: “Сперанский М.Н. (ред.) Русская устная условность. М., 1916–1919” [10, с. 35, примеч. 3]. В этом описании Шкловскому удалось сделать три ошибки: он указал, что Сперанский является редактором книги, хотя на самом деле он её автор; год издания “1916–1919”, хотя книга вышла в 1917-м и, наконец, “словесность” заменена на “условность”. Трудно сказать, является ли последняя замена просто ошибкой или это какая-то шутка. Вне зависимости от того, произведена ли эта лексическая замена случайно или намеренно, она демонстрирует некоторое пренебрежение автора к цитируемому источнику. Тем не менее будем благодарны Шкловскому за данную ссылку, поскольку благодаря ей мы точно знаем, что Шкловский пользовался книгой Сперанского. Вопрос только в том, как именно он это делал.

В своем учебнике Сперанский во многом опирался на труды А.Н. Веселовского и подчеркивал, что “историческая поэтика” предполагает интерес к форме и стилю не только литературных произведений, но и устной словесности: “...смотря на историю словесности, как на материал для изучения, под углом зрения истории, процесса психологии человеческого творчества вообще, А.Н. всю жизнь стремился к конечной цели – создать историческую поэтику, как труд, выясняющий эту психологию творчества во всем её объёме (*с этой стороны интересуется его и форма, и стиль поэтического произведения*); в этом смысле устная словесность, как одна из самых ранних и в то же время самых показательных страниц этой будущей поэтики, должна была интересовать его в особенности” [9, с. 109]³. Веселовский был последним, кто попытался охватить в своих исследованиях всю или во всяком случае почти всю область народной словесности, включая былины и сказки, духовные стихи и легенды, *области поэтического языка и стиля*, истории и международных связей былинных и легендарных сюжетов. Последующие учёные “уже не стремятся к таким широким обобщениям, а исследуют отдельные стороны, стараясь при этом довести дело по возможности до исчерпывающей полноты или

² Здесь и далее разрядка принадлежит цитируемому источнику.

³ Здесь и далее курсив в цитатах мой – А.Т.

осветить то, что не было отмечено старшими исследователями” [9, с. 110].

М.Н. Сперанский уделил много внимания поэтике фольклора. Специальную главу он посвятил “Формам устной словесности”, заметив при этом: «...в изучение истории нашей устной словесности мы вводим и изучение “формальных особенностей” её...» [9, с. 137]. Далее следуют главы: “Форма стихотворная” [9, с. 137–143] и “Изобразительные средства” включая “Замедления”, “Повторение”, “Эпитеты постоянные”, “Сравнение”, “Форма нестихотворная” [9, с. 143–150].

Шкловский полностью воспроизводит в своей статье раздел из книги Сперанского, посвящённый приёму повторения, причём даёт те же примеры, заменяя в тексте только отдельные слова [10, с. 35–36]. Мы уже отмечали, что это единственный случай, когда Шкловский прямо сослался на Сперанского, правда, ссылка оформлена таким образом, что остаётся неясным, где конец цитаты (на самом деле она заканчивается не там, где стоит сноска, а через два абзаца на следующей странице).

Шкловский касается в своей книге и приема “замедления”: “Синонимический (тавтологический) параллелизм, с переходом и повторением из строфы в строфу, переходит в то, что в поэтике русской песни называется замедлением” [10, с. 39]. Далее он приводит в качестве примера фрагменты из былины об Илье Муромце и из песни о том, как девица отравила молодца [10, с. 39–40]. Фактически он повторяет раздел о замедлении из учебника Сперанского, заимствуя у него оба примера [9, с. 145].

Сперанский охарактеризовал разные виды сравнения и параллелизма и отметил, что цель их использования в том, чтобы “задержать внимание, усилить эстетическое впечатление нужного образа, сцены, эпизода” [9, с. 148]. Шкловский также утверждает: “Целью параллелизма, как и вообще образности, является перенесение предмета из его обычного восприятия в сферу нового восприятия, то есть своеобразное семантическое изменение” [10, с. 23].

В разделе “Язык устной поэзии” Сперанский отмечал, что этот язык “будет в общем отличаться от языка обыденной речи носителей этих произведений” [9, с. 150]. В частности, в языке народных песен наблюдается “влияние старого и нового литературного языка” [9, с. 154]. Шкловский в свою очередь пишет о затрудненном поэтическом языке и среди примеров упоминает “язык народных песен, близкий к литературному” [10, с. 24].

Сперанский описал процесс фольклорного творчества, опираясь на представление об “общих местах” (формулах) устной словесности. По мнению ученого, народный творец “берёт *фабулу* самостоятельно, но *отделяет ее по определенному привычному шаблону, по установившейся форме*, разукрашивая своё произведение теми средствами, которые для него доступны” [9, с. 164]. Любопытно, что Сперанский различал “фабулу”, “материал” и “сюжет”: “...творцу такого произведения принадлежит: 1) *фабула* или мысль самого произведения; 2) комбинация традиционного, готового *материала* из области изобразительных средств и 3) применение этой комбинации к лицу или событию, составляющим *сюжет* его произведения” [9, с. 166]. В качестве примера Сперанский рассмотрел рождение частушки: “*Мотив* есть, *форма* дана, и частушка рождается, если есть подходящий человек, который их комбинирует. Таким образом, несомненно, что до сих пор в основе народного творчества лежит та же традиционная комбинация более древнего *материала*” [9, с. 166].

Сперанский установил связь и взаимодополнительность между формальным и историческим изучением текста: “...в изучении былины, *помимо сюжета*, играет видную роль и самая *структура былины, стиль её* и условия её развития, условия её сложения <...> Изучать отдельно *форму былины* и историю её сюжета <...> не имеем права <...> Такое *постоянно внимательное отношение к форме былины*, изучение исторически этой формы в связи с условиями современного её положения, представляется необходимым условием в интересах правильного изучения содержания былины <...> ...Внимательно изучая “*формальные особенности*” былины, учитывая долю личного творчества певца <...> мы добиваемся до основного сюжета былины в его наиболее близком к первоначальному виду, т.е. подходим к старшей эпохе жизни данной былины, к началу её литературной истории” [9, с. 205–206]; “...изучение *строения, композиции былины* в данной записи есть первый шаг в изучении данного былинного сюжета” [9, с. 206].

В былине Сперанский видел в первую очередь не исторический источник, а художественное произведение: “Всякая былина представляет совершенно стройное, *искусно* довольно (у лучших певцов) *построенное литературное произведение*...” [9, с. 169]. Касаясь былинных эпитетов, учёный отмечал: “Это не есть элемент мирозерцания религиозного, это есть уже *чисто-художественное поэтическое средство*...” [9, с. 222]. Создатели былин руководствовались традицион-

ной неписанной поэтикой: “Большинство былин <...> представляют очень много общего *по своей форме, по своей структуре, по способу развития самого сюжета*. Присматриваясь к ним с этой стороны, мы видим довольно отчетливо те “изобразительные средства”, которые показывают, каким образом создатель былины достигал того художественного образа, который является законченным в пении былины. Это в свою очередь показывает, что былина, выходя из такой среды, которая признавала былину отдельным видом творчества, руководствовалась своего рода *определённой поэтикой, хотя не писанной, но знакомой и сохранявшейся по преданию, в памяти*” [9, с. 216].

Ученый неоднократно говорил о “структуре” былин и “приёмах”, с помощью которых они создаются, например: «...в *структуре* былины мы видим <... след *определённой “поэтики”, до известной степени обычных, принятых приёмов, правил*» [9, с. 212]; “...по *своей структуре, по своему характеру построения* былина является *искусственным произведением, созданным сознательно искусным человеком*” [9, с. 213].

Особый интерес для Шкловского, несомненно, представлял раздел учебника, посвященный сказке [9, с. 392–432]. Сперанский, в частности, писал о близости сказочных сюжетов у разных народов: “*Одинаковые сюжеты встречаются у таких неродственных народов, культурной связи между которыми мы констатировать не можем за время, доступное для изучения историка <...>* Например, мы замечаем сходство в основном сюжете между русской сказкой и сказкой австралийской, южноамериканской и южноафриканской...” [9, с. 397]. Сходным образом пишет Шкловский: “Но *совпадение сюжетов встречается и там, где нельзя предположить заимствования*, например: сказка североамериканских индейцев о том, как птицы выбирали себе царя и выбранной при помощи хитрости оказалась самая маленькая, весьма сходна с европейской сказкой на ту же тему...” [10, с. 27–28].

Сперанский утверждал: “Очень хорошим примером, иллюстрирующим положение дела в данном случае, может служить известная сказка о построении Карфагенского кремля Дидоной...” [7, с. 397]. Шкловский приводит тот же пример [10, с. 29–30], излагая его, как и Сперанский, на основе статьи В.Ф. Миллера “Всемирная сказка в культурно-историческом освещении” (1893).

Как известно, В.Ф. Миллер объяснял международный мотив, который встречается в этой сказке, как воспроизведение архаического юридического

ритуала [12]. Шкловский сначала отвергает такое объяснение, однако на следующей странице все же признает его легитимность, хотя и с некоторым ограничением: “Не отрицая возможности возникновения мотивов на бытовой основе, я отмечаю, что для создания таких мотивов обыкновенно пользуются коллизией обычаев – противоречием их: воспоминание о несуществующем больше обычае может быть использовано для построения конфликта” [11, с. 32].

Сперанский верно уловил основную проблему “антропологической теории”: “Эта теория, если и дает, хотя бы и в ограниченном числе случаев, объяснение повторяемости у различных народностей одного и того же мотива, притом простейшего, то она бессильна пока объяснить повторяемость сюжета, т.е. *определённой комбинации мотивов, наблюдаемую у ряда народностей*” [9, с. 111].

Шкловский также не может решить эту проблему и только указывает, в каком направлении следует двигаться исследователям: “Совпадения объясняются только *существованием особых законов сюжетосложения*. Даже допущение заимствований не объясняет существования одинаковых сказок на расстоянии тысяч лет и десятков тысяч верст. Поэтому подсчет Джекобса неправилен; он предполагает отсутствие законов сюжетосложения и случайное расположение мотивов в ряды. На самом же деле *сказки постоянно рассыпаются и снова складываются на основании особых, еще неизвестных, законов сюжетосложения*” [11, с. 29].

Таким образом, В.Б. Шкловский в своих ранних статьях не только привлекал фольклорные материалы, но и использовал наблюдения фольклористов. И общие подходы Сперанского, и его терминология странным образом напоминают современному читателю подходы и терминологию формалистов. Сперанский, конечно, не был формалистом, однако прочитать его учебник “глазами формалиста” было вполне возможно, поскольку ученый уделял внимание поэтике и описывал изобразительные средства фольклора, делая акцент на эстетических функциях сказок и былин.

Если литературоведу для того, чтобы заниматься формальным анализом, нужно было “устранить” автора с его психологией и идеологией, то фольклористы имели дело с текстами, лишенными автора и существующими во множестве вариантов, которые нуждались прежде всего в какой-то систематизации. Необходимость работы с различными вариантами текстов, имеющих один и тот же сюжет, и поиска неких сюжетных инва-

риантов хорошо осознавалась фольклористами 1910–1920-х гг.

Шкловский воспользовался учебником “Русская устная словесность”, потому что подходы Сперанского к поэтике фольклорных текстов и наблюдения над технологией их порождения давали удобный материал для его собственных построений и гипотез. В то же время ему, по-видимому, не хотелось показывать читателю, что он не просто мельком упоминает учебник Сперанского, но и выписывает из него множество примеров и пользуется им как одним из важнейших источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Merrill, Jessica Evans. The Role of Folklore Study in the Rise of Russian Formalist and Czech Structuralist Literary Theory. A dissertation... for the degree of Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures in the Graduate Division of the University of California, Berkeley. Spring 2012.
2. Меррилл, Джессика. Фольклористические основания книги Виктора Шкловского “О теории прозы” // НЛЮ. 2015. № 3(133). [Merrill, Jessika. [Folkloric Basis of the Viktor Shklovskiy Book “To the Theory of Prose”] *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer]. 2015, no. 3(133).]
3. Веселовский А.Н. Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. Поэтика (1870–1899) (Сер. 1, т. 1). [Veselovskiy, A.N. *Sobr. soch* [Collected Works]. St. Petersburg, 1913, Vol. 1. *Poetika (1870–1899) (Ser. 1, t. 1)* [Poetic (1870–1899) (Series 1, Vol. 1)].]
4. Веселовский А.Н. Собр. соч. СПб., 1913. Т. 2, вып. 1. Поэтика сюжетов (1897–1906) (Сер. 1, т. 2, вып. 1). [Veselovskiy, A.N. *Sobr. soch* [Collected Works]. St. Petersburg, 1913, Vol. 2, Iss. 1. *Poetika syuzhetov (1897–1906) (Ser. 1, t. 2, vyp. 1)* [Plot Poetic (1870–1899) (Series 1, Vol. 2, Iss. 1)].]
5. Костюхин Е.А. Сказка и миф у Веселовского // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 55–62. [Kostyukhin, E.A. [Fairy-tale and Myth by Veselovskiy] *Nasledie Aleksandra Veselovskogo: issledovaniya i materialy* [Heritage of Alexander Veselovskiy: Studies and Materials]. St. Petersburg, 1992, pp. 55–62.]
6. Шайтанов И.О. Классическая поэтика неклассической эпохи // Веселовский А.Н. Избранное: Историческая поэтика / Автор вступ. ст. и коммент., составитель тома И.О. Шайтанов. М., 2006. С. 5–50. [Shajtanov, I.O. [Classic Poetic of the Non-Classical Epoch] *Veselovskiy, A.N. Izbrannoe: istoricheskaya poetika. Avtor vstup. st. i komment., sostavitel* *toma I.O. Shajtanov* [Veselovskiy, A.N. Selected Works: Historical Poetic. Introduction, Comments, Compilation of Shajtanov, I.O.]. Moscow, 2006, pp. 5–50.]
7. Якобсон Р.О. Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц; Ред. Д. Сичинава; Перев. с чеш. Е. Бобраковой-Тимошкиной. М.: Языки славянских культур, 2011. [Yakobson, R.O. *Formalnaya shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie. Red.-sost. T. Glants; red. D. Sichinava; perev. s chesh. E. Bobrakovoj-Timoshkinoy* [Formalist School and Modern Russian Literary Studies. Compilation of Glants, T., Sichinava, D. (Ed.), Translated from Czech by Bobrakova-Timoshkina, E.]. Moscow, Yazyki Slavjanskikh Kultur Publ., 2011.]
8. Кузьмина В.Д. Михаил Несторович Сперанский (19 апреля/1 мая 1863 г. – 12 апреля 1938 г.) // Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963. С. 205–225. [Kuzmina, V.D. [Mikhail Nestorovich Speranskij (April 19 of 1863 – April 12 of 1938)] *Speranskiy, M.N. Rukopisnye sborniki XVIII veka: materialy dlya istorii russkoj literatury XVIII veka* Speranskiy, M.N. Collected Manuscripts of the 18th Century: Materials to the History of the Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, 1963, pp. 205–225.]
9. Сперанский М. Русская устная словесность. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера. Пособие к лекциям в Высших женских курсах в Москве. М., 1917. [Speranskiy, M. *Russkaya ustnaya slovesnost'. Vvedenie v istoriyu ustnoj russkoj slovesnosti. Ustnaya poeziya povestvovatel'nogo kharaktera. Posobie k leksiyam v Vysshikh zhenskikh kursakh v Moskve* [Russian Oral literature. Intriduction to the History of the Russian Oral Literature. Oral Narrative Poetry. Manual to the Lectures in The Higher Women's Courses in Moscow]. Moscow, 1917.]
10. Якобсон Р., Богатырев П. Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин, 1923. [Yakobson, R., Bogatyrev, P. *Slavyanskaya filologiya v Rossii za gody vojny i revolyutsii* [Slavic Philology in Russia in the Years of the War and Revolution]. Berlin, 1923.]
11. Шкловский В. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. [Shklovskiy, V. *O teorii prozy* [To the Theory of Prose]. Moscow, Sovetskiy Pisatel Publ., 1983.]
12. Миллер В.Ф. Всемирная сказка в культурно-историческом отношении // Русская мысль. 1893. № 11. С. 207–229. [Miller, V.F. [Universal Fairy-Tale in the Cultural-Historical Aspect] *Russkaya Mysl'* [Russian Philosophy]. 1893, no. 11, pp. 207–229.]